

УДК 340.15

DOI: 10.34670/AR.2021.38.18.012

Рецепция шариата в систему местного права: на примере российского Закубанья, 1830-1870 гг.

Шаов Ибрагим Капланович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: shaov@mail.ru

Аннотация

Местное право в Российской империи являлось традиционно присущим и развивавшимся со времени Московской Руси государственно-правовым институтом, обеспечивавшим геополитическую устойчивость государства. Именно через институты местного права российская верховная власть предоставляла определенный уровень управленческой и правовой самостоятельности (автономизм) присоединяемым национальным регионам. На этой системной основе в условия *покорностей* (актов признания российского подданства) северокавказского горского населения периода Кавказской войны включались пункты, декларировавшие со стороны российского правительства неприкосновенность веры, *шариата* и *обычаев*. Таким образом, шариатское право (в усеченном виде), институт кадиев (с ограниченной сферой полномочий), были инкорпорированы в систему местного российского права, которая складывалась для черкесских обществ Закубанья с 1830 г. Сфера применения норм шариатского права в «Положении об управлении горцами по Кубанской области» 1865 г. была сведена к отдельным сторонам семейного права, но правоприменительная практика на основе шариата охватывала всю сферу гражданских дел. Происходила постепенная кодификация шариатских норм, включенных в вырабатываемую систему местного права. Соответственно, Кубанская область может быть признана одним из национальных регионов РИ, на территории которых функционировало местное право.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаов И.К. Рецепция шариата в систему местного права: на примере российского Закубанья, 1830-1870 гг. // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 9А. С. 106-117. DOI: 10.34670/AR.2021.38.18.012

Ключевые слова

Исламское право, рецепция, местное право, военно-народное управление, горские словесные суды, кодификация права.

Введение

Инкорпорация Западной Черкесии (в официальных российских документах фигурируют такие ее наименования: Черкесия, Circassia во франкоязычных российских документах МИДа, «Закубанский край», «закубанские народы») в состав Российской империи (далее — РИ) началась в конце 1829 г. — 1830 г., сразу после заключения русско-турецкого мирного договора в Адрианополе (2 сентября 1829 г.).

Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью системного исследования процесса инкорпорации адыгских регионов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав РИ. Значимое место в общей системе мер, направленных на включение этих территорий в государственно-правовую систему РИ, занимал институт рецепции местного права. Рецепция обычного, адатского права как подсистемы местного «горского» права получила подробное рассмотрение в существующей научной исторической и юридической литературе (Ф.И. Леонтович, М.М. Ковалевский, А.М. Ладыженский, И.Л. Бабич, А.В. Дашин). В то же время, институты и практики мусульманского права получили необоснованно заниженные оценки, а процесс рецепции шариата почти полностью проигнорирован. Если в отношении Восточной Черкесии (Кабарды) в нашем распоряжении есть значимый опыт исследования рецепции норм шариатского права в российский период (после 1825 г.) (З.Х. Мисроков), то на материале Западной Черкесии (после 1829 г.) подобная работа еще не проводилась.

Рецепция шариата остается одной из нерассмотренных проблем государственно-правовой инкорпорации Северо-Западного Кавказа в состав РИ. С.В. Кодан и С.А. Февралев подчеркивают в своем обстоятельном исследовании генезиса местного права Российской империи, что государственно-правовой автономизм — один из важнейших государственно-правовых инструментов в выстраивании отношений с народами присоединенных территорий. «Наличие местного права, — подчеркивают С.В. Кодан и С.А. Февралев, — скорее способствовало укреплению геополитической устойчивости Российского государства и использовалось для сочетания централизации и децентрализации в правовом регулировании, что дополнялось использованием предоставления российской верховной властью определенного уровня управленческой и правовой самостоятельности (автономизма) национальных регионов в составе РИ» [Кодан, Февралев, 2014, 41-42]. Тем не менее, в монографии С.В. Кодана и С.А. Февралева полностью выпал из сферы исследовательского поиска генезис российской правовой традиции на примере закубанских «горцев»: черкесов (адыгов), абазин и карачаевцев.

Цель данной работы состоит в анализе процесса рецепции мусульманского права в местное право закубанских адыгских анклавов, переживавших стадию инкорпорации в государственно-правовое пространство РИ.

Осуществленное исследование опирается на систему методов. Особое значение имело применение таких общенаучных методов как *анализ* и *синтез*. Разделив объект изучения на составные части (соотношение сформировавшихся в Российском государстве категорий веротерпимости и автономизации; опыт рецепции местных систем права в Крыму и Бессарабии; наиболее типологически близкий кабардинский опыт; включение институтов и отраслей мусульманского права в местное право закубанского «горского» населения), выделив их в специальные разделы статьи, удалось осмыслить общее и особенное в формировании системы местного права в черкесских округах российского Закубанья (с 1860 г. — Кубанской области). В статье применен *историко-сравнительный метод*, который позволил сопоставлять свойства

изучаемых процессов рецепции во времени и в пространстве, выходить за территориальные и хронологические границы исследования, на основе аналогий приходить к историко-юридическим обобщениям.

Административно-правовая инкорпорация Западной Черкесии затянулась на фоне Кавказской войны вплоть до 1864 г. Для периода 1830-1864 гг. процесс инкорпорации затрагивал преимущественно так называемых «мирных черкесов» – население прикубанских аулов, которое с марта 1830 г. начало присягать на верноподданство российскому императору [АКАК, 1878, 892]. Закубанское карачаевское общество во главе со своим *вали* Исламом Крымшамхаловым было приведено к присяге начальником Кавказской области, генерал-лейтенантом Г.А. Эммануэлем 22 октября 1828 г., во время войны с Османской империей [Голицын, 2004, 243-244]. И.Ш.-Б. Бурлаков отмечает существование шариатского судопроизводства в Карачае на протяжении 30-50-х гг. XIX в., т.е. в наиболее ранний период инкорпорации этой части Северного Кавказа в состав РИ [Бурлаков, 2004: 36-37].

Мусульманское право с XVIII в. имело у адыгских народов очевидную тенденцию не только к утверждению в качестве единственной или преимущественной системы права, но и к принятию ее как основы государственного устройства. В начале XIX в. российские источники описывали шариатскую систему у закубанских черкесов как вполне сложившуюся, получившую распространение во всех княжеских владениях [Буцковский, 1812].

Основная часть

Рецепция местного права (прибалтийского, польского, молдавского и пр.) в систему российского местного права являлась глубоко укорененным явлением в истории государства и права России. Данный метод (рецепция) был распространен и на мусульманские территории Кавказа. Он был обусловлен двумя основными факторами: 1) формированием государственной политики веротерпимости [ПСЗРИ/1, XV, 984-985]; 2) институциональным уровнем ислама [ПСЗРИ/1, XXI, 898; Хайрединова, 2016, 66]. Соответственно, РИ к 1830 г. была полностью подготовлена к тому, чтобы распространить политику рецепции шариата (отдельных его отраслей, относящихся к сфере частного права), на присоединяемые закубанские территории.

Высшее российское чиновничество к 1830 г. выработало представление о том, «сколь опасно мешаться во внутреннее судопроизводство горцев». Изучив османский опыт управления Западной Черкесией, министр иностранных дел РИ граф К.В. Нессельроде писал: «Турки испытали изменить сей порядок судопроизводства (медиаторский суд, *прим. И.Ш.*), подчинив оный своим муллам и кадиям, но это возбудило всеобщий ропот и даже принудило многие племена отречься от присяги, данной ими на верность Порте Оттоманской» [АКАК, 1878, 890-891]. Если действующие в условиях традиционного кавказского общества кадии (которые в большинстве своем были выходцами из местных социальных низов) толерантно взирали на обычное право и медиаторские (третейские, присяжные) суды, то османские наместники стремились вытеснить их из правоприменительной и политической практики [ШССТАК, 1953, 1].

Для территории Восточной Черкесии (Кабарды) К.В. Нессельроде отмечал глубокую укорененность ислама и шариата [АКАК, 1878, 890]. Можно полагать, что шариат был укорененной правовой системой в регионе Северного Кавказа в середине XVIII в. Об этом свидетельствуют многие источники, в том числе и эпиграфические. У селения Чегем II в Кабарде в 1774-1775 гг. был похоронен Али-Гирай ибн Калабат-кади ибн Канамат-кади, что говорит о появлении династий правоведов [Эпиграфические, 1968, 67].

Главкомандующий в Грузии генерал-лейтенант князь П.Д. Цицианов в 1805 г., убедившись в категорическом неприятии Родовых судов, предложил утвердить в Кабарде шариатский суд как суд первой инстанции [АКАК, 1868, 958-960]. Военная администрация в Кабарде имела двойственное отношение к институтам ислама, в том числе к шариатскому судопроизводству. С одной стороны, эфенди и кадии рассматривались как вероятная опора российской власти, которую необходимо включить в формирующуюся местную административно-правовую систему; с другой же стороны, они рассматривались как потенциально враждебный элемент, способный усилить военное сопротивление «горцев» процессу установления российской власти. Если в 1793-1806 гг. Адиль-Гирей Атажукин и эфенди Исхак – лидеры шариатского движения Кабарды – оценивались резко негативно, как «бунтовщики», то в 1807 г. их стали воспринимать вполне благосклонно, как умных, почтенных и твердых «приверженцев закона», т.е. шариата [АКАК, 1869, 649]. Организованный в 1822 г. Кабардинский Временный суд в своей повседневной практике руководствовался нормами шариата [Материалы, 1956, 15, 212-213].

В Западной Черкесии к 1830 г. произошел самостоятельный реформистский этап, так называемое шариатское движение, завершившееся институализацией шариата – не только на уровне регулирования частно-семейных отношений, имущественного права, но и на уровне государственного права. На протяжении 30-х годов этот процесс получил дальнейшее развитие: мехкеме или шариатские судебные учреждения распространили свою юрисдикцию на большую часть территории.

В этом плане «Новый порядок управления», предложенный Султаном Хан-Гиреем, ведущим адыгским интеллектуалом на российской службе [Султан Хан-Гирей, 2009], основывался на уже существующих мусульманских институтах муфтията (духовного управления) и мехкеме (судебного присутствия). С. Хан-Гирей предлагал учредить два «муфатства»: одно для княжеских владений и одно для самоуправляющихся горцев. Эта мера вполне соответствовала российской практике, поскольку с 1788 г. функционировало Оренбургское магометанское духовное собрание, курировавшее татар, башкир, ногайцев и впоследствии северокавказских мусульман, а также был организован отдельный муфтият Крыма (Таврическое Магометанское Духовное правление). Поскольку именно муфтии экзаменовали и назначали кадиев, то данная мера была первой на пути государственной рецепции шариата. Затем, С. Хан-Гирей предлагал учредить мехкеме (в его терминологии *махчематство*), но уже не в изначальном качестве мусульманского судебного учреждения, а в качестве особого судебно-административного института, который послужил бы передаточным механизмом между российской администрацией и черкесским населением. Махчематство представлялось автору как своего рода окружной суд с участием старшего князя (вали), муфтия, двух старшин из дворян, одного старшины из народа, одного кадия и письмоводителя [Султан Хан-Гирей, 2009, 279-280]. При отправлении правосудия члены суда должны были «руководствоваться шариатом и коренными обычаями черкесов, смотря по удобству и требованиям дел». Сферу правоприменительной практики, основанной на шариате, С. Хан-Гирей сужал до трех пунктов: «1) дела до совести и веры касающиеся; 2) дела по несогласию между мужей и жен; 3) дела между родителей и детей» [Султан Хан-Гирей, 2009, 563]. С. Хан-Гирей предлагал ровно то, что уже существовало и функционировало вполне успешно по всему Закубанью.

Задача кодификации обычного права черкесов и абазин, т.е. населения будущего Закубанского края в составе РИ была поставлена специально созданным комитетом по устройству Закубанского края (март 1830 г.): «Русским чиновникам комиссии и советов

(территориальных административно-судебных учреждений, *прим. И.Ш.*) предстоит похвальный труд собрать и привести в порядок обычаи, коими народы закубанские в делах своих руководствуются» [Кавказ, 2005, 304]. В журнале Комитета не упоминаются термины адат и шариат, говорится о суде и расправе по всему спектру правонарушений, которые призваны были решать окружные *советы* с председателями из числа русских чиновников (назначаемых императором), в составе «шести заседателей, избираемых народом на три года и утверждаемых ближайшим областным начальством». Ставилась также задача «с благоразумной осторожностью противодействовать расширению между закубанцами и абхазами учения Мухаммеда, уважая, впрочем, народное мнение и невинные предрассудки» [Кавказ, 2005, 303-304].

В 30-е гг. XIX в. «шариат, ниспровергнувший древние обычаи черкес, ныне есть основание их делопроизводства» [Султан Хан-Гирей, 2009, 125]. Согласно С. Хан-Гирею, черкесские кадии пользовались по преимуществу двумя сборниками шариатских законов: Садр-шерие и Дурер [Султан Хан-Гирей, 2009, 537-538]. Часть имени автора правоведческого сборника *Садр-шариа* С. Хан-Гирей принял за название книги, поскольку оно означает «Столп шариата». Но речь должна идти о выдающемся кодификаторе шариата Садр аш-Шариа аль-Аввале, который жил в XIII в. и составил сборник «Вигая ар-ривая фи масаил аль-Хидая». Затем, на его основе возник популярный сборник комментариев «Шарх аль-Вигая» [Ширинова, 2015, 235-236].

Процесс рецепции шариата в российском Закубанье происходил по мере «замирения» местного населения. Закономерным выглядит предположение ген.-м. Г.Х. Засса, сделанное им в 1839 г., организовать для покорных горцев и ногайцев Закубанья два временных суда в двух главных приставствах: «на правилах и правах временного кабардинского суда» [Засс, 1839, 94]. Руководство или надзор над деятельностью судов должны были осуществлять главные приставы. В каждом суде председателя и двух экзекуторов надлежало избрать из числа наиболее знатных родов. Остальных заседателей (членов суда) предполагалось выбирать из числа «почетных узденей и старшин тех народов, в которых нет князей». Выделялись квоты для избрания заседателей от «вольных людей». Язык делопроизводства – турецкий (с переводом на русский). Предполагалось готовить в училищах секретарей со знанием трех языков (черкесского, турецкого и русского), а наиболее способных – направлять в духовно-образовательные центры за пределами РИ для изучения арабского языка и подготовки к званию эфендиев. Ставилась задача кодификации «народных обычаев закубанских горцев». За основу предполагалось взять свод кабардинских обычаев, с тем чтобы откорректировать и дополнить его с учетом закубанского материала. Собранный свод адатов должен был помочь приставам для проверки решений временного суда и решений «народных судов, которые в употреблении у горцев». Администрация в лице Г.Х. Засса, тем не менее, санкционировала шариатское судопроизводство («разбирательство по шариату») с перспективой его постепенного сворачивания [Засс, 1839, 95]. Эфенди, т.е. кади, а также члены суда обеспечивались жалованьем от российского правительства.

Согласно 7-му пункту покорности, принесенной частью абадзехского населения Российскому правительству (в лице ген.-л. Завадовского) 8 января 1846 г., «русское правительство оставляет неприкосновенными веру, *шариат* и *обычаи* покоряющегося племени, почему и разбирательство всех дел между собою должно быть по прежнему по народным, освященным временем, обычаям абадзехов» [АКАК, 1885, 588]. Таким образом, намерение о рецепции шариатского права, наряду с обычным правом, предшествовало инкорпорации замиряющегося населения в состав РИ. Кроме того, данный документ («условия») объединяет шариат и обычаи в одну местную систему права. Шариат рассматривается как часть правовых

традиций абадзехов.

Двойственное отношение к местному праву со стороны русского правительства объяснимо не только идеологическими установками, подразумевающими постепенный отказ от исламского наследия на завоеванных территориях и сопутствующую практику прозелитизма, но и собственно адыгским отношением к шариату. Он не заместил собой полностью обычное право, а применялся субсидиарно. Так, в 1853 г. зафиксировано стремление убыхского населения, горячо принявшего у себя посланника Шамиля наиба Магомеда Амина, сохранить хотя бы частично медиаторские суды на основе адатов [АКАК, 1885, 693].

Второй пункт «Главнейших распоряжений по устройству бжедуговского племени», возникших на основе «покорности», принесенной бжедугскими старшинами и закрепленной поголовной присягой населения 38 аулов (май-июль 1859 г.), сводил значение шариата до отраслей семейного и имущественного права: «К разбирательству по шариату дозволено прибегать только в делах, подлежащих духовному суду в тесном смысле, как-то: в спорах родителей с детьми, родных братьев и сестер и, наконец, в брачных делах. Приставу дано, однако, секретное предписание, чтобы он при содействии преданных людей старался вывести совсем из употребления суд по шариату, который производится враждебным нам сословием – духовенством». Условия покорности и присяги, и административно-правовое устройство Бжедугии были утверждены Александром II [АКАК, 1904, 825–826].

Клятвенное обещание, данное абадзехскими депутатами во главе с наибом Магомедом Амином 20 ноября 1859 г., содержало пункты первоначальной присяги, сформулированные ген.-л. Филипсоном, которые представляли собой своего рода гарантии со стороны русского правительства. 2-й пункт касался неприкосновенности религиозной жизни абадзехов в составе РИ: «Вера наша магометанская останется неприкосновенной и ничем стесняться не будет». 9-й пункт гарантировал абадзехам своего рода автономию в составе РИ: «Абадзехскому народу предоставляется право устроить управление в своем крае, своеобразно их нуждам и вековым народным обычаям. Порядок этого управления должен быть утвержден господином главнокомандующим Кавказской армии, а для ближайшего заведывания абадзехским народом будет назначен особый русский начальник, который будет жить в Майкопе». 10-й пункт описывал отношения этого начальника с абадзехами: «Этот начальник будет ходатаем за народ и истолкователем его нужд перед главным начальством; в дела же народные будет вступаться в таких только случаях, если увидит изменнические действия или ему будут жаловаться на неправильный суд или действия старшин, составляющих совет для управления народом» [РГВИА, л. 19–21об.]. Как видим, сильное в военном отношении и многочисленное общество замирялось на более приемлемых для себя условиях. Пункты абадзехской «покорности» гарантировали рецепцию шариата на том уровне, на котором он функционировал в полностью исламизированной Абадзехии. Однако, к осени 1861 г. правительство Александра II вышло из «договора» с абадзехами и на этой территории вновь разгорелись военные действия. После их завершения зимой 1863-1864 гг. абадзехи полностью утратили политико-правовую субъектность.

Тем не менее, и после сентября 1861 г. российское правительство рассматривало рецепцию местного права (основанного на обычаях и шариате) как необходимое условие инкорпорации Закубанья. В июле 1863 г. состоялись переговоры между командующим войсками в Кубанской области Н.И. Евдокимовым (которого представлял командир Даховского отряда В.А. Гейман) и абадзехскими старшинами. Н.И. Евдокимов выдвинул ряд «условий о переселении», на которых должно было завершиться абадзехское сопротивление и полное переселение абадзехов на прикубанскую плоскость. 6-й пункт условий гарантировал: «Все долговые и другие

обязательства, если нельзя кончить их теперь же, до окончания срока, покончены будут на новых местах, по обычаям или по шариату» [Гейнс, 1866, 253].

Завершение военной фазы покорения черкесов привело к необходимости организации так называемого Военно-народного управления и Окружных горских судов. В январе 1866 г. получило «Высочайшее утверждение» «Положение об управлении горцами по Кубанской области» (принятое 4 июня 1865 г.). На его основе уже в 1865 г. были организованы пять округов: Эльборуский, Зеленчукский, Урупский, Лабинский и Псекупский. При них были созданы *Окружные Словесные суды*, функционировавшие под председательством окружного начальника или его помощника, в составе трех депутатов и двух кадиев по выбору населения [Агишев, 1912, 9-10].

Статус кадиев в судебном процессе регулировался в «Положении...» 1865 г. следующим образом. Раздел V, пар. 28: «Окружной словесный суд состоит из Председателя – окружного Начальника, трех депутатов – представителей всех сословий, и двух кадиев, по выбору жителей округа». Параграф 30: «Все дела в окружном суде решаются по адату – народному обычаю или по шариату – духовному суду». Параграф 31: «Суждению по шариату подлежат дела магометан: по несогласию между мужем и женою, родителями и детьми, а равно и все дела к учению веры относящиеся; все же прочие дела подлежат решению суда по адату или народному обычаю». Параграф 33: «Дела, разбираемые депутатами в окружном словесном суде, решаются депутатами без участия кадиев по большинству голосов, а дела, разбираемые по шариату, решаются кадиями единогласно. Решения как депутатов, так и кадиев получают силу окончательных по утверждению их председателем» [Материалы, 2012, 41].

Сфера применения норм шариатского права в «Положении...» была сведена к отдельным сторонам семейного права, но правоприменительная практика Окружных судов на основе шариата имела тенденцию к разрастанию. Так, в 1866 г. народный кадий Магомед-Эфендий вместе с кадием Закиреем Куныжевым первым подписал решение суда по адату, затем стоят подписи депутатов (Лабинский окружной горский словесный суд) [Материалы, 2012, 45]. Это прямо противоречило Положению 1865 г., 33-й параграф которого устанавливал отдельные заседания при разбирательстве по адату и шариату.

Председатель Словесного суда Урупского военного округа в 1866 г. составил детальную инструкцию по применению шариатских норм, которую направил в распоряжение помощника начальника Кубанской области по управлению горцами. Отмечается, что иски о подсудности соблазненных горских женщин на соблазнительщиков разбираются и по шариату, и по адату, «согласно с большим или меньшим распространением ислама в том племени или народе, к которому принадлежала соблазненная» [Материалы, 2012, 50].

Автор подчеркивает прогрессивное значение введения шариатского права у черкесов Кубанской области («смягчал прогрессивно суровости обычая») и значение наиба Хаджи Магомета, который в начале 40-х гг. XIX в., «явившись в Кубанскую область в роли наместника имама Шамиля, установил разбор и разрешение исключительно по шариату». Затем шариатская практика еще более распространилась под влиянием Магомеда Амина, но она не вытеснила полностью адатское право: обе системы «шли параллельно в понятиях народа, до совершенного умиротворения края и установления нового порядка, при образовании военно-народных управлений» [Материалы, 2012, 51]. Автор подчеркивает синтез двух правовых систем у населения Черкесии: «Вообще же выбор разбирательства предоставлялся тяжущимся, которые в случае желанья избирали даже среднее или смешанное разбирательство (Маслахат)» [Материалы, 2012, 51].

Военно-народное управление, а вместе с ним и Окружные Словесные суды

просуществовали в Кубанской области до 1871 г.

30 декабря 1869 г. последовал Высочайший указ о введении судебных уставов 20 ноября 1864 г. в Кубанской и Терской областях и в Черноморском округе. Пункт 5-й данного указа постановлял: «В местностях, занимаемых горским населением, определение времени введения мировых учреждений на одинаковых основаниях с занятыми русским населением местностями, предоставить Наместнику Кавказскому; до того же времени разбирательство возникающих в сих местностях между горцами дел, отнесенных судебными Уставами 20 ноября 1864 года к ведению мировых судей, оставить по-прежнему за горскими судами, которые имеют быть преобразованы согласно новому их назначению, по ближайшему усмотрению Наместника Кавказского» [ПСЗРИ/2, XLIV, 416]. На основании этого указа для Горских Словесных Судов были выработаны так называемые «Временные правила», утвержденные Наместником Кавказским 18 декабря 1870 г. [Агишев, 1912, 10]. Окружные Словесные Суды, действовавшие по положению 1866 г., были упразднены, и вместо них были образованы Горские Словесные Суды: Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский [ПСЗРИ/2, XLIV, 412-415].

Подводя итоги практике судопроизводства на основе шариата, в 1912 г. Н.М. Агишев с соавторами писали: «Каждый же участвует в рассмотрении лишь тех дел, при решении коих принимаются в основание шариатские постановления, причем в различных горских судах существует и различная по этому поводу практика: в одних кадий дает лишь заключение по шариатским делам, на основании коего горский суд постановляет решение, иногда и не соглашаясь с мнением кадия. В других судах кадий участвует в разрешении дел шариатских, а иные дела (напр. бракоразводные) разрешает единолично, без участия состава суда» [Агишев, 1912, 12]. Низкая юридическая квалификация председателей суда, а также их частая перемена, препятствовали своевременному и правильному рассмотрению дел. На совещаниях в Екатеринодаре, Майкопе и Эльбургане (абазинский аул на р. Зеленчук, прим. И.Ш.), организованных по распоряжению сенатора Н.М. Рейнке, «необходимость в председателе-юрите единогласно признана» [Агишев, 1912, 11].

«Основная точка зрения, – отмечал Н.М. Рейнке в 1912 г., – на горские и народные суды (окружные словесные суды в Дагестане и на Южном Кавказе в официальных документах также назывались народными судами, прим. И.Ш.) как на учреждения временные определенно выражена в ст. 761 закона судопроизводства гражданского и в ст. 220 учреждения управления Кавказского края по продолжению 1906 г.: горские суды сохраняются временно, в зависимости от успеха *гражданственности*. Потому в местностях, занимаемых горским населением, определение времени введения мировых учреждений, на одинаковых основаниях с занятыми русским населением местностями, предоставлено усмотрению наместника» [Кавказ, 2005, 499]. Категория «гражданственность» не была описана юридическим языком, а учитывая частую смену председателей судов, назначавшихся из числа российских чиновников, не имевших в большинстве случаев юридической подготовки, то и «временное» состояние горских словесных судов затянулось вплоть до последних дней существования Российской империи [Бабич, 2009, 41].

Заключение

Рецепция местного права была надежным инструментом укрепления Российского государства и использовалась для сочетания централизации и децентрализации в правовом регулировании. Рецепция мусульманского права была апробирована на территориях, инкорпорированных в состав Российского государства татарских ханств (Казань, Астрахань,

Бахчисарай).

Кодификационная практика, направленная на рецепцию исламского права в РИ, опиралась на переводческую и комментаторскую работу не только видных ученых, но весьма многочисленного корпуса российских администраторов и судебных чиновников на местах. Принятие в дореволюционный период в РИ законов, легализовавших шариат и связанные с ним институты, «привело к существенным изменениям содержания мусульманского права», его подчинению «общему смыслу законодательства Российского государства» [Мисроков, 2004, 55-56].

Распространение политики рецепции на мусульманские территории Кавказа было обусловлено двумя основными факторами: 1) формированием государственной политики веротерпимости (указ Петра III «о веротерпимости» 1762 г.; указ Синода 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий», другие законодательные акты); 2) институциональным уровнем ислама, достигнутым в регионах к западу от Дагестана к середине XVIII в. Важным фактором стало также толерантное отношение российской управленческой элиты, а также в значительной степени и военной элиты, к обычаям и религиозным устоям народов присоединяемых к империи регионов.

В Западной Черкесии к 1830 г. произошел самостоятельный реформистский этап, так называемое шариатское движение, завершившееся институализацией шариата – не только на уровне регулирования частно-семейных отношений, имущественного права, но и на уровне государственного права. На протяжении 30-х годов этот процесс получил дальнейшее развитие: мехкеме или шариатские судебные учреждения распространили свою юрисдикцию на большую часть территории.

Военная администрация в регионе Северо-Западного Кавказа имела двойственное отношение к институтам ислама, в том числе к шариатскому судопроизводству. С одной стороны, эфенди и кадии рассматривались как вероятная опора российской власти, которую необходимо включить в формирующуюся местную административно-правовую систему; с другой же стороны, они воспринимались как потенциально враждебный элемент, способный усилить военное сопротивление. Двойственное отношение к местному праву со стороны русского правительства объяснимо не только идеологическими установками, но и адыгским отношением к шариату.

Сфера применения норм шариатского права в «Положении об управлении горцами по Кубанской области» 1865 г. была сведена к отдельным сторонам семейного права, но правоприменительная практика на основе шариата охватывала всю сферу гражданских дел. Происходила постепенная кодификация шариатских норм, включенных в вырабатываемую систему местного права. Соответственно, Кубанская область может быть признана одним из национальных регионов РИ, на территории которых функционировало местное право.

Библиография

1. Агишев Н.М. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб.: Сенатская типография, 1912. 278 с.
2. АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1868-1904. Т. II. 1238 с.; Т. III. 760 с.; Т. VII. 994 с.; Т. X. 938 с.; Т. XII. Ч. 1. 1556 с.
3. Бабич И.Л. Антропология власти и ислам. М.: Рема, 2009. 232 с.
4. Бурлаков И.Ш.-Б. К становлению шариатского суда в Карачае // Ислам и право в России. 2004. Вып. 2. С. 35-40.
5. Буцковский А.М. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное подполковником Буцковским. 1812 год // РГВИА. Ф. 414. Д. 300. 108 л.
6. Гарданов Б.А. (сост.) Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Нальчик:

- Кабардинское книжное издательство, 1956. 428 с.
7. Гейнс К. Пшехский отряд с октября 1862 г. по ноябрь 1864 г. // Военный сборник. 1866. № 2. С. 207-261.
 8. Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. М.: Собрание, 2004. 459 с.
 9. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Звезда, 2005. 718 с.
 10. Кодан С.В., Февралев С.А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX вв.). М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.
 11. Мисроков З.Х. Исторические судьбы мусульманского права на Северном Кавказе в процессах динамики российских правовых систем (XIX — начало XXI вв.) // Ислам и право в России. 2004. Вып. 2. С. 53-62.
 12. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. 768 с.
 13. Об управлении мирными закубанскими горцами. Рапорт начальника Кубанской области, генерал-майора Засса // Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII-XIX вв. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 90-95.
 14. ПСЗРИ/1 — Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Печатано в типографии 2 отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. Т. XV, XIX, XXI.
 15. ПСЗРИ/2 — ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLIV. Отделение второе. 1869 год. От № 47358 до 47861, и Дополнения. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1873.
 16. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 376. Об изъявлении покорности бжедухами и большей частью других племен предгорий междуручья Лабы и Белой, абадзехами во главе с Магомет-Амином и баракаевцами. 23 октября 1859 – 6 апреля 1860 г. Л. 19 – 21 об.
 17. Сивер А.В. (сост.) Материалы по истории западных адыгов. (Архивные документы 1793–1914 гг.). Нальчик, 2012. 158 с.
 18. Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.
 19. Хайрединова З.З. Роль первых таврических муфтиев и проблемы интеграции мусульманского населения Крыма в состав России (1783–1830 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 66-71.
 20. Цагарейшвили Ш.В. (ред.) ШССТАК — Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. 561 с.
 21. Ширинова Р. Семейная родословная Садр аш-Шариа аль-Аввала в переводе «Мухтасар аль-вигая» Мирзы Казем-Бека // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность. Казань, 2015. С. 235-245.
 22. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII-XX вв. М.: Наука, 1968. 248 с.

Sharia reception to the system of local law: on the example of the Russian Trans-Kuban region, 1830-1870

Ibragim K. Shaov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law,
Aдыгея State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: shaov@mail.ru

Abstract

Local law in the Russian Empire was a traditional state-legal institution that has been developing since the time of Muscovite Russia, ensuring the geopolitical stability of the state. It was through the institutions of local law that the Russian supreme power provided a certain level of administrative and legal independence (autonomy) to the affiliated national regions. On this systemic basis during the Caucasian War, the conditions of *submissiveness* (act of recognition of the

tsar's power) of the North Caucasian mountain population included items declaring the inviolability of faith, Sharia, and customs. Thus, Sharia law (in truncated form), the institution of Qadi (with a limited scope of authority), were incorporated into the system of local Russian law, which had been developing for the Circassian societies of the Trans-Kuban region since 1830. The sphere of application of the norms of Sharia law in the "Regulations on the management of highlanders in the Kuban region" of 1865 was reduced to separate aspects of family law, but the law enforcement practice on the basis of Sharia covered the entire sphere of civil cases. There was a gradual codification of Sharia norms included in the system of local law being developed. Accordingly, the Kuban region can be recognized as one of the national regions of the Republic of Ingushetia, on the territory of which the local law functioned.

For citation

Shaov I.K. (2021) Retsepsiya shariata v sistemu mestnogo prava: na primere rossiiskogo Zakuban'ya, 1830-1870 gg. [Sharia reception to the system of local law: on the example of the Russian Trans-Kuban region, 1830-1870]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (9A), pp. 106-117. DOI: 10.34670/AR.2021.38.18.012

Keywords

Islamic law, reception, local law, military-people's administration, mountain verbal courts, codification of law.

References

1. Agishev N.M. (1912) *Materialy po obozreniyu gorskikh i narodnykh sudov Kavkazskogo kraya* [Materials on the Review of the *gorskiy* (mountain) and *narodniy* (people's) Courts of the Caucasus Region]. St. Petersburg.
2. (1868-1904) AKAK — *Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis.
3. Babich I.L. (2009) *Antropologiya vlasti i islam* [Anthropology of Power and Islam]. Moscow: Rema Publ.
4. Burlakov I.Sh.-B. (2004) *K stanovleniyu shariatskogo suda v Karachae* [Towards the Establishment of a Sharia Court in Karachai]. *Islam i pravo v Rossii* [Islam and Law in Russia], 2, pp. 35-40.
5. Butskovskii A.M. (1812) *Voенно-topograficheskoe i statisticheskoe opisanie Kavkazskoi gubernii i sosedstvuyushchikh ei gorskikh oblastei* [Military Topographic and Statistical Description of the Caucasian Province and the Neighboring Mountain Regions]. RGVIA. F. 414. D. 300. 108 p.
6. (1968) *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Ch. 2* [Epigraphic Monuments of the Northern Caucasus in the Arabic, Persian and Turkish Languages. Part 2]. Moscow: Nauka Publ.
7. Geins K. (1866) *Pshekhskii otryad s oktyabrya 1862 g. po noyabr' 1864 g.* [Pshekhsky detachment from October 1862 to November 1864]. *Voенnyi sbornik* [Military Collection], 2, pp. 207-261.
8. Golitsyn N.B. (2004) *Zhizneopisanie generala ot kavalerii Emmanuelya* [Biography of Emmanuel, general of the cavalry]. Moscow: Sobranie Publ.
9. (2005) *Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv.* [Caucasus and Russian Empire: Projects, Ideas, Illusions and Reality. The Beginning of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries]. St. Petersburg: Zvezda Publ.
10. Khairedinova Z.Z. (2016) *Rol' pervykh tavrisheskikh muftiev i problemy integratsii musul'manskogo naseleniya Kryma v sostav Rossii (1783–1830 gg.)* [The Role of the First Tauride Muftis and the Problems of Integrating the Muslim Population of Crimea into Russia (1783–1830)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 1 (65), pp. 66-71.
11. Kodan S.V., Fevralev S.A. (2014) *Mestnoe pravo natsional'nykh regionov v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv.)* [Local Law of National Regions in the Russian Empire (Second Half of the 17th — Early 20th Centuries)]. Moscow: Yurlitinform Publ.
12. (1956) *Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v.* [Papers on the Customary Law of Kabardians. The First Half of the 19th century]. Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
13. (2012) *Materialy po istorii zapadnykh adygov (Arkhivnye dokumenty 1793–1914 gg.)* [Papers on the History of Western Circassians. (Archival Documents 1793–1914)]. Nalchik.

14. Misrokov Z.Kh. (2004) Istoricheskie sud'by musul'manskogo prava na Severnom Kavkaze v protsessakh dinamiki rossiiskikh pravovykh sistem (XIX — nachalo XXI vv.) [The Historical Fate of Muslim Law in the North Caucasus in the Processes of Dynamics of Russian Legal Systems (XIX — Beginning of XXI centuries)]. In: *Islam i pravo v Rossii*. Vyp. 2. [Islam and Law in Russia. Issue 2]. Moscow: PFUR.
15. Nol'de B.E. (2019) *Istoriya formirovaniya Rossiiskoi imperii* [History of the Formation of the Russian Empire]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ.
16. (1839) Ob upravlenii mirnymi zakubanskimi gortsami [On the Governance of Peaceful Zakuban highlanders]. In.: *Beslenei — most Cherkessii. Voprosy istoricheskoi demografii Vostochnogo Zakuban'ya. XIII–XIX vv.* [Besleny — Bridge of Circassia. Issues of Historical Demography of the Eastern Trans-Kuban Region]. Maikop: Poligraf-Yug Publ.
17. PSZRI/1 — *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe* [Complete Code of Laws of the Russian Empire. The First Collection]. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Branch of His Imperial Majesty's Own Chancery, 1830. Volumes: XV, XIX, XXI.
18. PSZRI/2 — *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe* [Complete Code of Laws of the Russian Empire. The Second Collection]. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Branch of His Imperial Majesty's Own Chancery, 1873. T. XLIV.
19. RGVIA. F. 38. Op. 7. D. 376. *Ob iz'yavlenii pokornosti bzhedukhami i abadzekhami vo glave s Magomet-Aminom* [On the Expression of Humility by the Bzhedukhs and Abadzekhs led by Mahomet-Amin].
20. Shirinova R. (2015) Semeinaya rodoslovnaya Sadr ash-Sharia al'-Avvala v perevode «Mukhtasar al'-vigaya» Mirzy Kazem-Beka [Family Genealogy of Sadr al-Sharia al-Avval in the Translation of “Mukhtasar al-vigaya” by Mirza Kazem-Bek]. In: *Nasledie Mirzy Kazem-Beka: Istoriya i sovremennost'* [Heritage of Mirza Kazem-Bek: History and Present]. Kazan: Foliant Publ.
21. Sultan Khan-Girei (2009) *Sultan Khan-Girei: Izbrannye trudy i dokumenty* [Sultan Khan-Girey: Selected Works and Documents]. Maikop: Poligraf-Yug Publ.
22. Tsagareishvili S.V. (1953) *Shamil' — stavlennik sultanskoi Turtsii i angliiskikh kolonizatorov. Sbornik dokumental'nykh materialov* [Shamil is a Protege of Sultan Turkey and the English Colonialists. Collection of Documentary Materials]. Tbilisi.